

КОНСТАНТИН
СТОГНИЙ

ПАНГАПУ
или
СТАТУЭТКА
БОГИНИ КАЛИ

Харьков
«ФОЛИО»
2016

поросенок верещал и вырывался. Он был привязан к колышку за заднюю ногу почти у самой воды. Визг разносился в отдаленные уголки джунглей и возвращался обратно тихим эхом.

За кустами сидело четверо охотников.

— ...Повторяю еще раз: главное — неожиданность. По моему сигналу выскакиваем, нападаем... Все зарядили? — лидер группы разговаривал полусепотом, мужчины в ответ кивали молча. Он продолжал свои наставления: — Вчетвером мы с ним не справимся, поэтому предупреждаю еще раз: стреляем только в пасть. Не вздумайте кожу попортить!

— А что, в голову нельзя? — самый молодой участник сафари заметно нервничал, пальцы выстукивали дробь на прикладе карабина.

Этот вопрос снял всеобщее напряжение, мужчины тихо засмеялись. Старший продолжил:

— Нет, ну вы видели? Охотник за бабочками! Я тебе сто раз говорил — ему наплевать на твою «пухалку». У него такие пластины на голове, что пока ты их прострелишь — он тебя сожрать успеет.

Смех усиливался. Старший нахмурился.

— Тс-с-с. Чего ржете? В первый раз, что ли? Все! Разбежались по кустам!

Мужчины быстро рассредоточились в укрытия вокруг мест приманки, где продолжал верещать поросенок двух месяцев от роду.

— Эх, эта свинья... Козленка бы! Да где ж его взять? На проклятом острове даже коров нет, — пробурчал старший.

Вдруг к нему подошел проводник, который наблюдал за диалогом охотников чуть поодаль.

— Маста Дик, Тонга думает, что не нужно этого делать.

Дик взвился:

— Ты еще тут! Марш отсюда!

— Ты же сказал, что вы — туристы! А так я не согласен.

У Дика заиграли желваки.

— Ты денег хочешь?

Тонга замялся. За это путешествие через джунгли Дик обещал столько денег, что ему, его жене Майе и четверым ребятишкам хватило бы на полгода. Но все же дикие племенные корни и суеверный страх брали верх над потомком туземки и белого мужчины.

— Маста Дик, духи обидятся! Не надо!

Это окончательно вывело Дика из себя.

— Я тебе что сказал, обезьяна? Сорвешь охоту — я тебя самого на куски порублю!

Мангровые заросли у побережья внезапно всколыхнулись от ветра, спугнув стаю мелких птиц. Дик оглянулся в сторону партнеров и сделал им жест рукой: «Будьте готовы!»

— Все! Идет!

Испуганный Тонга быстро исчез за деревьями. Мужчины сосредоточенно наблюдали за поросенком, который, чуя неминуемую гибель, завизжал еще громче. В нескольких метрах от него, в воде, появилась громадная голова хозяина побережья — большого гребчатого крокодила.

— Вот он! — Дик покраснел от возбуждения.

Гигант неторопливо стал подплывать к берегу, как будто понимая, что добыча привязана и никуда от него не денется.

— Ну, иди сюда, малыш, иди... — рука Дика крепко, до белизны косяшек, сжала цефье винтовки. Крокодил вот-вот доберется до поросенка. — Пора!

— Пошли! — громко крикнул Дик, и браконьеры выскочили из укрытий с карабинами наперевес.

Как раз когда крокодил ухватил несчастного поросенка, он получил сильный удар бамбуковой палкой по голове, но добычу не выпустил. Назойливый охотник стал бить его по глазам, то и дело отскакивая назад. Наконец он добился своего. Крокодил выпустил уже мертвого кабанчика и, раскрыв пасть, кинулся на обидчика. Грянул мощный залп сразу нескольких крупнокалиберных винтовок. Крокодил остановился на секунду, а затем с удвоенной яростью двинулся к людям. Отступая назад, они продолжали стрельбу. Выпуская полный боезапас магазинов и вновь перезаряжая. Где-то за кустами сидел их проводник Тонга и плакал, как ребенок.

Через пять минут все было кончено. Трехметровый крокодил лежал без движения на берегу небольшой речушки, где-то внизу впадающей в гнилое мангровое побережье океана, будто хозяин дома, убитый коварными и жестокими гостями.

...Три пустые бутылки из-под виски красноречиво указывали на вакханалию в честь добычи. Охотники, уже в изрядном подпитии, гордились собой и вождели хруста сто долларовых купюр от проданной крокодильей шкуры.

— Нравится мне здесь. Надо будет еще когда-нибудь сюда приехать, — сказал Дик, отхлебывая из очередной бутылки и передавая ее следующему. — А как тебе наша охота, сынок?

Молодой охотник только пожал плечами в ответ, затем глубоко вздохнул.

— А с этим что будем делать?

В стороне лежало то, что осталось от гребенчатого крокодила. Шкура была снята и спрятана.

— Да сбросим обратно в реку. Пусть его родственнички поживятся. — Дик совсем расслабился. — Эй, Чита! То есть как там тебя... Тонга! Иди сюда, виски налью.

Угрюмый Тонга сидел поодаль и смотрел на пьяных европейцев исподлобья.

— Ну так что? Дать тебе денег или прощенья попросишь?..

Разговоры выпивших мужчин стали превращаться в какофонию. Смех, глупые шутки и обрывки историй из прошлого. Вдруг они услышали незнакомый голос.

Не сразу заметили, как из джунглей выступил незнакомец. Увидев его, Тонга сразу обхватил голову руками. Туземец продолжил речь на незнакомом языке, и охотники замолчали от неожиданности. Тонга решительно встал и начал переводить.

— Белые, вы пришли как враги! Убирайтесь отсюда!

Мужчины переглянулись, посыпались реплики:

— Это что за чучело?

— Обезьяна, только бесхвостая. Может, коала?

Пьяные мужчины засмеялись. Тонга в благоговейном трепете сообщил:

— Это — хули. С ним шутки плохи.

Пьяные браконьеры засмеялись еще громче. Низкорослый туземец, в полной боевой раскраске, с амулетами на шее и диадемой из перьев на голове, голый, в чем мать родила, стоял гордо и смотрел на браконьеров, что называется, сверху вниз.

— Вы пришли убивать не ради еды. Вы обидели джунгли. Вы будете наказаны! — туземец говорил спокойно, отчетливо произнося каждое слово. Гордый лесной житель чувствовал себя хозяином и не боялся ничего. — Уходите, белые, иначе пожалеете, что родились.

Пьяные охотники раззадорились еще больше.

— Ты кто такой? Клоун!

Туземец, казалось, не обращал внимания на издевательские реплики белых. Он просто не понимал их.

— Хули-меен сакод-ке иси мбаке! — его глаза сверкнули.

Тонга запнулся и с ужасом посмотрел на европейцев.

— Ну, переводи, черномазый! — разозлился Дик.

— Слово «хули» едино и неделимо!.. Маста Дик, надо уходить, а то они убьют нас, и не только убьют...

Из компании браконьеров вырвался злой толстый рыжий охотник.

— Да что мы с ним возмися! — Он, полон агрессии, кинулся к туземцу. — Что тебе нужно, недомерок?

Что произошло в следующую секунду, так никто и не понял. Громадный толстяк как подкошенный рухнул на траву, а туземец будто испарился — скрылся в джунглях.

— Макс, что с тобой?! — Дик подбежал к толстяку, лежавшему лицом вниз.

Тот не отвечал, зайдясь глубоким кашлем. Мужчины перевернули своего товарища. И — о ужас! В сонной артерии Макса торчал маленький дротик с перьями райской птицы на конце, из раны хлынула кровь. Мужчины почти протрезвели от страха...

— Бегом за ним! — вскричал Дик. — Шкуру с него содрать! Бегом!

Оставив на берегу реки труп крокодила, своего товарища, отходящего в мир иной, и перепуганного проводника Тонгу, трое браконьеров пустились в джунгли за маленьким демоном джунглей. Надо ли говорить, что они никого не нашли? Пробежав битый час по окрестностям, окончательно протрезвевшие охотники на крокодилов вернулись обратно. На пустом берегу их радостно встретил Тонга, если в данной ситуации можно назвать радостью избавление от ожидания.

— Надо уходить! Маста Дик, надо уходить!

— Сам знаю! — Дик остановился. — А где Макс?

Тонга как ни в чем не бывало собирал свои пожитки.

— Уплыл, вместе с духом реки.

Изумленные браконьеры переглянулись. Дик подскочил к Тонге и схватил его за шиворот холщовой рубашки.

— Ты... ты выбросил Макса на корм крокодилам?

— Надо уходить! Страшно будет! Больно будет! Послушай, маста Дик. Твоему другу все равно не помочь. Он переселился к предкам, пусть хоть духи реки насытятся. А нам — надо уходить...

Дик в замешательстве не знал, что ему делать. То ли бить этого мулата, то ли застрелить, то ли кричать... Но в следующую секунду все забылось само собой. Где-то в джунглях послышался мерный глухой ритмический стук. Лицо Тонги исказилось от страха.

— Поздно, маста Дик, воины хули идут сюда. Мы все умрем.

В воздухе повисла тяжелая в своем ужасе пауза. Отчетливый звук ударов, похожих на барабанные, становился все громче и громче. Друзья не знали, что делать. Смятение чувств на лицах. Дик вдруг заходил из стороны в сторону.

— Нет, подождите, подождите. Надо же что-то делать! Может, договориться? Двадцать первый век на улице... Это же...

— Здесь нет времени, — безапелляционно обрезал Тонга, — не нужно было убивать духа реки и сына леса.

Дик посмотрел на проводника как на сумасшедшего.

— Кто такой сын леса? Что ты несешь? Свинья?

— Матери хули выкармливают свиной своим молоком. Они тоже дети леса, дети хули... — резюмировал Тонга.

— Не знаю, кто кого и чем выкармливает, но мы будем защищаться! Приготовиться! Зарядить все, что у нас есть!..

...Не прошло и четверти часа, как на краю джунглей, у самой реки, появились люди. Их было много, и все они были нагие, в боевой раскраске, с луками, копьями и щитами. Браконьеры к этому времени уже залегли у реки. Тонга в сторонке стоял на коленях и простирал руки к небу. Он молился. Стройные ряды туземцев сделали первый шаг.

— Огонь! — скомандовал Дик.

Три выстрела — и трое охотников на крокодилов стали охотниками на людей. Три аборигена упали замертво.

— Огонь!

Браконьеры били без промаха. Еще трое убитых. Вдруг туземцы остановились и затихли. Минута молчания придала уверенности европейцам.

— А теперь в атаку!

Мужчины встали и с устрашающим криком с винтовками в руках побежали в сторону папуасского войска. Войско вдруг затрясло копьями и щитами, затем как по команде село. Осталось стоять только трое дикарей в причудливых масках. Они подняли кверху какие-то большие ракушки и подули в них... В ту же минуту трое браконьеров грянули оземь как подкошенные. Остекленевшие взгляды парней говорили о том, что они мертвы... Где-то поодаль, будто не слыша и не видя происходящего, продолжал молиться чернокожий проводник Тонга...

